

Игорь Евдокимов

Доктор
& Фальк
и дачные
убийства

МОСКВА

Игорь Евдокимов

Доктор
Фальк
и дачные
убийства

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е15

Иллюстрация на переплете *Kateshi Kittano*

Карта на форзаце и внутренние иллюстрации *Александры Чу*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Amili / Shutterstock.com (<https://shutterstock.com/>) / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com
(<https://shutterstock.com/>) / FOTODOM

Евдокимов, Игорь Алексеевич.

Е15 Доктор Фальк и дачные убийства / Игорь Евдоки-
мов. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-220271-1

Доктор Василий Оттович Фальк — эстет, педант и скептик, расследованием убийств не интересовался никогда и летом рассчитывал на спокойный отдых в любимом «Зеленом луге», куда он каждый год приезжает из Петербурга.

Но практически сразу после его приезда в дачный поселок на побережье Финского залива доктора вызывают в дом к пожилой вдове: утром ее нашли мертвой... Незадолго до гибели она жаловалась Фальку, что по ночам в ее саду появляется серый монах — верный предвестник смерти.

Доктор в мрачные приметы не верит и понимает, что в поселке произошло убийство. И чем дальше Василий Оттович пытается держаться от расследования, тем сильнее втягивается в поиски преступника, ведь быстро выясняется, что причины желать зла покойной были почти у каждого жителя дачного поселка.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Евдокимов И.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-220271-1

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Василий Оттович Фальк — доктор, эстет, зануда.
Александр Петрович Сидоров — урядник, деревенский полицейский.

Вера Павловна Шевалдина — любительница сплетен и отравления жизни окружающим.

Ираида Дмитриевна Шевалдина — ее невестка, дама суровая, озабоченная поиском приличной партии для дочери.

Лидия Николаевна Шевалдина — дочь Ираиды Дмитриевны.

Клотильда Генриховна — экономка Фалька.

Екатерина Юрьевна Красильникова — жена присяжного поверенного.

Петр Геннадьевич Платонов — инженер, велосипедист.

Эдуард Силизмундович Шиманский — поляк, дачный Казанова.

Федор Романович Вансовский — коммерсант, желает открыть в Зеленом луге пансион.

Харитон Карпович Мельников — его компаньон.

Павел Сергеевич Неверов — товарищ прокурора в отставке.

Евгений Маркович Шевцов — редактор «Зеленолужского вестника» (по зову души и от скуки).

Евлампий Аристархович Кунин — председатель общества благоустройства.

Анжелика Ивановна Любимцева — ипохондрическая блондинка.

Фома Михайлович Аксенов — бывший станционный смотритель.

Виктор Львович Козлов — хозяин гостиницы в Зеленом луге.

Аркадий Гаврилович — распорядитель курзала. Его фамилию никто не помнит.

Харон Семенович и Аида Семеновна Беляковы — гробовщики с нездоровым энтузиазмом к своей работе.

Мария Прохоровна — супруга Сидорова.

Людмила Владимировна — супруга Неверова.

Владимир Николаевич — заглянул ненадолго.

Слушатель Императорской академии художеств (безымянный) — возможно, надежда отечественной живописи.

Дачники, мазурики, официанты, крестьяне, букинисты и прочие обитатели Зеленого луга и Петербурга — тоже есть.

IN MEDIAS RES¹

Настойчивый стук повторился.

— Нет, ну это просто надругательство какое-то! — проворчал доктор Василий Оттович Фальк, со щелчком захлопывая крышку карманных часов.

Он выбрался из-под одеяла. Его тут же пробрала дрожь от утренней прохлады — какими бы теплыми ни были майские дни, ночами округа все же выстывала. В рассветный час холод проникал даже в ладный и хорошо отапливаемый дачный дом Фалька. Василий Оттович спрятал ноги в огромные мохнатые тапочки, накинул теплый халат поверх пижамы и, не обращая внимания на сущий ужас, творящийся с прической, отправился открывать переднюю дверь.

Вообще-то за встречу назойливых визитеров (и выпроваживание их заодно) должна была бы отвечать его экономка, Клотильда Генриховна, но Фальк считал, что даже самые назойливые посетители не заслуживают столкнуться с нею ранним утром. К тому же Василий Оттович все-таки был врачом,

---

¹ С лат. — «в середине дела», «в разгар событий».

а потому допускал, что даже в таком идиллическом месте, как дачная деревенька Зеленый луг, кому-то могла потребоваться его помощь даже в такой час.

На крыльце, смущенно переминаясь с ноги на ногу, застыл местный урядник, Александр Петрович Сидоров. Увидев появившегося в дверях Фалька, он обрадованно затараторил:

— Василий Оттович, простите великодушно, но вам нужно пройти со мной.

— Кому-то плохо? — мрачно осведомился Фальк.

— Нет, я...

— Кто-то умирает?

— Нет, но...

— Тогда обратите внимание! — Доктор вновь раскрыл свой брегет¹ и сунул его под нос служащему полиции. — Пять! Пять утра, Александр Петрович! Вот, смотрите: когда эта короткая стрелка — хорошо видите, не так ли? — когда эта короткая стрелка будет показывать десять часов, или того лучше — одиннадцать, приходите, буду вас ждать. А сейчас — прошу меня извинить!

Фальк захлопнул дверь и вознамерился вернуться в теплую постель, но настырный стук не дал ему сде-

---

¹ Старинные карманные часы с боем, отличавшиеся большой точностью и показывавшие числа месяца. По фамилии часового мастера А. Л. Бреге (1747–1823). По аналогии с современным ксероксом к началу XX века стали именем нарицательным, обозначающим все карманные часы.

лать и шаг. С мрачной миной доктор вновь распахнул дверь.

— Василий Оттович, кто-то уже умер, — не дав ему разразиться очередной тирадой, выпалил урядник. — Нужна ваша помощь.

— Поверьте, если кто-то уже умер, то моя помощь ему не нужна, — проворчал доктор, но дверь все же не закрыл.

— Генеральша Шевалдина скончалась, — сказал Сидоров. — И обстоятельства смерти вызывают у меня некоторые вопросы. Нужно ваше заключение.

— Шевалдина? — пораженно переспросил Фальк. — Позвольте, она же совсем недавно была у меня в гостях!

— Неужели? — заинтересовался урядник. — Жаловалась на здоровье?

— Не столько на здоровье, сколько на серого монаха...

— На кого?! — воскликнул Сидоров.

— Ох, Александр Петрович, заходите, — Фальк отстранился от двери, приглашая урядника в дом. — Я сейчас оденусь, и пойдем. По дороге расскажу, что мне известно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Позвольте, почтенный незнакомец,
выразить вам то неподдельное изумле-
ние, в которое вы повергаете всех нас
своими поступками.

И. С. Тургенев, 1860 год

Как известно всем жителям столицы, как коренным, так и приехавшим в поисках лучшей доли, всяк уважающий себя петербуржец на лето должен переехать на дачу. И даже если дела заставляют тебя остаться в городе, как минимум семью на природу ты вывезти обязан! Еще в марте-апреле самые прозорливые дачники (из тех, что не имеют возможности содержать собственный дом) начинают подыскивать себе удобные варианты на лето. Страсть, сколько мелочей нужно учесть. Желательно бы у моря. И чтобы от Петербурга недалеко. И станция чугунки под боком. И цивилизованные развлечения обязаны быть (а то в глуши недолго с тоски околеть). И соседей бы попредставительнее — дочки на выданье сами себя не пристроят. В общем — сущий кошмар!

Дачная деревушка Зеленый луг, затерявшаяся на берегу Финского залива, в число наижеланнейших направлений не входила. По мнению отдыхающих,

близость Петербурга неблагоприятно сказывалась на здешнем воздухе — любителей цивилизации более привлекал знаменитый Сестрорецк. Многие также отправлялись в Великое Княжество Финляндское, в Терийоки, например (хотя и этот поселок, поговаривают, испортился за последние несколько лет), или дальше, за Выборг.

Таким образом, Зеленый луг вполне успешно избегал того дачного сумасшествия, что начиналось весной. Нет, гости, безусловно, прибывали, и в больших количествах, но вели себя на удивление чинно и прилично. Некоторые семьи наезжали несколько лет подряд, а потому образовали уже особую отпускную касту вопреки неписаным правилам, которые гласили, что всесословная дачная дружба, не признающая чинов и статусов, заканчивается по возвращении в Петербург. Идиллия, правда, объяснялась довольно легко: общество «зелененьких» изначально оказалось довольно монолитным. Сюда на лето выбирались профессора, врачи, адвокаты и чиновники не первого, но и никак не последнего разряда. А значит, продолжать общение в осенне-зимние столичные деньки считалось незазорным.

Однако на дачу еще нужно добраться! И в этот воскресный майский день 1908 года задачка представлялась не из простых. Сотни людей самоотверженно штурмовали угловатое здание песочного цвета — Финляндский вокзал. Всеобщая толчея, гомон и накал страстей вызывали в памяти (не к ночи будь помянут) революционный 1905-й.

К самому несчастному и бесправному контингенту относились «дачные мужья» — страдальцы, перевозящие за город свои семейства, а сами вынужденные возвращаться обратно в Петербург. Для них адские муки пригородных поездов стали еженедельными. Каждое воскресенье они ехали в столицу, снаряженные длинным списком заказов от жены, детей, часто — тещи и тестя, иногда — друзей и соседей. Каждую пятницу, согбенные под весом перевозимых вещей, словно раки-отшельники, несущие свои дома, эти несчастные существа вновь ввинчивались в привокзальную толчею и тщетно пытались найти свободное место в поезде для себя и своего скарба.

Не таков был Василий Оттович Фальк, из тех Фальков, что держали врачебную практику и аптеку на Васильевском острове. Облаченный в легкий светлый костюм щеголь лениво лавировал между дачными страстотерпцами, отягощенный одной-единственной легкой дорожной сумкой. Все необходимые для пригородного прозябания вещи были отправлены заранее на двух ломовых извозчиках под присмотром экономки Клотильды Генриховны. К тому же жил Василий Оттович бобылем (хотя за использование подобного просторечия в его присутствии доктор одарил бы вас презрительным взглядом), женой и детьми не обзавелся, а значит, и от семейных капризов был избавлен.

Неженатый статус уже довольно солидного господина тридцати четырех лет не имел никакого от-

ношения к внешности. Наоборот, дамы из окружающей толпы нет-нет да провожали Василия Оттовича оценивающими взглядами. И кто бы их осудил? Костюм на высоком и стройном докторе сидел изумительно, блестящие от бриллиантина волосы безукоризненно зачесаны на пробор, а правильную форму усов можно было использовать в качестве пособия по геометрии. Словом, Василий Оттович был восхитительно хорош собою!

Но стоило дамам познакомиться с доктором Фальком поближе, как им открывалась его страшная тайна. Ибо Василий Оттович, даже по меркам представителей своей профессии, людей зачастую желчных и циничных, слыл совершеннейшим занудой и педантом.

— Васенька, а поедете на вечернюю прогулку? — предлагает ему очередная пассия.

«Но какая же тут вечерняя прогулка? Ровно в восемь часов вечера необходимо поужинать. Ровно в половину девятого — встать из-за стола. С девяти до десяти выкурить сигару и выпить бокальчик коньяку в кабинете. В половину одиннадцатого — отойти ко сну, чтобы встать ровно в шесть тридцать утра. Все расписано буквально по минутам, а вы тут со своей вечерней прогулкой!»

— Васенька, а давайте сходим на концерт? — зовет его новая воздушная барышня, пришедшая на смену позорно сбежавшей предыдущей.

«Конечно же сходим, душа моя! Но не сегодня. Для концерта выделено время в воскресенье. И слушать будем орган. В кирхе».

Тут, правда, стоит встать на защиту Василия Оттовича: музыку он, безусловно, любил, особенно ценил оперу. Описанный выше каприз следует считать попыткой аккуратно подвести излишне надоедливую молодую особу к самостоятельному разрыву с доктором. Довольно успешной попыткой, стоит отметить. Словом, Василий Оттович знал о своей репутации, не стремился ее изменить, а временами даже откровенно ею пользовался.

К тому же строгий режим дня несколько сдвигался летом, когда доктор Фальк перебирался на дачу. Отпуском данное путешествие могло считаться лишь отчасти — по сути, Василий Оттович просто менял столичную практику на пригородную. Учитывая обитателей Зеленого луга, ни сословный состав пациентов, ни расценки самого врача сильно не менялись. Хотя в порывах благотворительности окрестных крестьян Фальк также принимал каждый второй и четвертый вторник. Безвозмездно, то есть даром.

В означенный день Василий Оттович отправился на Адмиралтейскую сторону, забрал из колониальной лавки давно заказанную коробку сигар, а затем погрузился на шустрый пароходик-«финляндчик»¹ и доплыл до Финляндского вокзала в самом что ни на есть благодушном и отпускном расположении духа. Весна стояла теплая, солнечные блики озорно

---

¹ В начале XX века маленькие парходы, принадлежащие финляндским судовладельцам, выполняли речные перевозки в Петербурге и выступали своеобразным видом общественного транспорта.